

Время в стенах дворца словно застыло, как в куске янтаря: здесь было пышно, но невыносимо душно.

С того самого дня, как Сяо Чэ покинул дворец Чжумин, окутанный ледяным холодом и нарастающим гневом, он не переступал его порог ни разу.

Однако невидимые пути затягивались, подобно паутине. Слуги, прислуживавшие во дворце, стали еще молчаливее. В их глазах читалась предельная осторожность, а шорох одежд при ходьбе был едва слышен — казалось, каждый шаг они делают по тонкому, как крыло цикады, льду, где любая оплошность грозит неминуемой гибелью.

Вести о Линь Муде словно стерла чья-то невидимая рука — о нем не было ни звука.

Се Цинъянь оказался заперт в этом изысканном, но мертвом мире, словно редкая орхидея, пересаженная в золотой горшок, которая день за днем увядает вдали от солнечного света.

Единственным моментом, когда он мог хоть немного вздохнуть, была короткая прогулка, дозволенная ему ежедневно после полудня.

Се Цинъянь (Шэнь Янь), никогда прежде не знавший подобных унижений, недовольно оглядывался. Под присмотром нескольких слуг с острыми взглядами, которые притворялись почтительными, а на деле не отходили ни на шаг, он мог лишь погреться в лучах бледного зимнего солнца в заброшенном садике позади дворца Чжумин.

Сад явно не приводили в порядок долгие годы: сухая желтая трава выросла выше колен, причудливые скалы почти обрушились, камни тайху поросли темно-зеленым мхом. Лишь у заброшенного восьмиугольного колодца дикая жимолость упрямо цеплялась за обломки каменной ограды, и ее узловатые лозы, подрагивая на холодном ветру, пробивались пронзительной, почти болезненной зеленью.

В тот день свинцовые тучи низко нависли над дворцовыми стенами, скупно пропуская лишь несколько полосок мертвенно-бледного света.

Се Цинъянь плотнее закутался в тяжелую шубу из меха серебристой лисы и прислонился к холодному краю колодца, сев на относительно ровный кусок синего камня. Кончиками пальцев он бессознательно водил по грубой поверхности, но даже пронизывающий до костей холод не мог разогнать оцепенение в душе.

Его внимание привлекла шатающаяся кирпичная плита. Возможно, от скуки, а может, из-за какого-то необъяснимого предчувствия, он поддел ногтем приподнятый край, приложил усилие, и тяжелый кирпич поддался!

Взору открылось узкое, глубокое, темное отверстие, от которого веяло сырой землей и

прелыми листьями.

Он затаил дыхание, сердце беспорядочно колотилось в груди.

Поколебавшись, он медленно просунул пальцы в холодный проем. Нащупав что-то твердое с гладкими краями, он вздрогнул. Осторожно извлек находку.

Се Цинъянь подумал, уж не сокровище ли он нашел.

Это была маленькая, тяжелая позолоченная медная шкатулка с узором облаков. Размером с ладонь, она поражала изяществом: вся поверхность была покрыта сложной резьбой в виде переплетающихся лотосов, линии облаков казались простыми и древними, а крошечные бирюзовые вставки по углам тускло мерцали в бледном свете. У шкатулки не было замка, лишь на передней панели виднелся искусно выполненный механизм в форме бутона лотоса.

Интуиция Шэнь Яня, привыкшего к инженерному складу ума, заставила его забыть обо всем вокруг. Он полностью сосредоточился на этой маленькой загадке.

Его длинные, хотя и бледные от долгой болезни пальцы с инстинктивной чуткостью исследовали малейшие выступы и узоры.

Нажав на определенные точки, напоминавшие прожилки лепестков, он слегка повернул и нажал на них.

Щелк.

Тихий, но отчетливый в звенящей тишине заброшенного сада звук пружины. Крышка шкатулки беззвучно откинулась, словно распускающийся лотос.

Внутри не оказалось драгоценностей — лишь аккуратно сложенная стопка писем.

Бумага пожелтела и стала хрупкой, края изъели насекомые, от писем исходил странный запах времени, смеси плесени и чернил.

На самом верхнем листке чернила от времени расплылись, но почерк оставался изящным, пусть и выдавал некоторую детскую наивность:

Семнадцатое число одиннадцатого месяца, сильный снег. В углу Западного сада снова видел того маленького монстра. Одет в лохмотья, тонкие, как бумага, губы от холода посинели, съежился, словно испуганный зверек, у разрушенной стены. Этот негодяй, пятый принц, со своими прихвостнями кидал в него ледяные снежки ради забавы. У него была разбита голова, текла кровь, но он не смел плакать, лишь кусал губы, глядя в пустоту. Ненавижу! Я бросил

камень в злую собаку, чтобы та залаяла, и прибежала старшая надзирательница, прогнав их. Спрятал две горячие лепешки и пузырек с мазью от ран в дупле старой сливы. Надеюсь, он найдет их и согреется.

Сердце Се Цинъяня екнуло, пальцы похолодели. Он дрожащими руками перевернул страницу, бумага была еще тоньше:

Восьмое число двенадцатого месяца. Матушка отругала за шалость — я случайно разбил подаренную императором стеклянную чашу и был заперт на три дня для переписывания Канона сыновней почтительности сто раз. До смерти скучно, сижу у окна. Вдруг слышу шум черепицы на крыше, выглядываю — а тот маленький монстр стоит на стене! Мал ростом, но лазает ловко. Увидев меня, испугался, быстро бросил в окно бумажный сверток и тут же исчез в кустах, словно кот. Развернул — три свежих лепешки из императорской кухни, еще теплые. Очень вкусные. Где он их взял? Странно. Изгой из Холодного дворца, и вдруг — еда с императорского стола?

Третье число первого месяца. Пир во дворце шумный и скучный, музыка оглушает, фальшивые улыбки вельмож вызывают тошноту. Улучил момент и пробрался к Холодному дворцу. Под старой сливой сугробы, он, как и обещал, сидел там. Спросил имя — опустил голову и молчит, лишь чертит сухой веткой по снегу. Спросил возраст — снова покачал головой. Лишь с трудом вымолвил слово, тихо, как писк комара: Четвертый. Четвертый принц? Четвертый сын покойного императора? Изгой? Я был потрясен. Он подарил мне грубую деревянную птичку, криво вырезанную, в благодарность за еду и лекарство. Велел ему больше не приходить, боялся, что навлечет беду. Он поднял голову, в глазах — упрямый волчий блеск, не ответил. Тревожно, не мог уснуть.

Пятнадцатое число первого месяца. Праздник фонарей, за стенами дворца взрывы хлопушек, фейерверки освещают полнеба. Подумал о нем, запертом в Холодном дворце, наверняка он не знает, что такое праздник, стало жаль. Склеил из бамбука и бумаги фонарик в виде кролика, зажег внутри маленькую свечу и на веревке опустил со стены. Прячась за деревом, видел, как он поднял голову к свету, и в его серых пустых глазах на раскрасневшемся от холода лице заплясали искры. Стало немного легче.

Второе число второго месяца. Услышал весть: пятый принц упал с лошади и тяжело ранен, ноги раздроблены, возможно, останется калекой. По дворцу ходят слухи, что накануне он жестоко избил четвертого принца и бросил его на снег. Неужели это его рук дело? Мне стало страшно. Если он такой жестокий и злопамятный, что будет, когда он наберет силу...

Чернила здесь расплылись большим черным пятном, словно рука писавшего дрожала, а сердце было охвачено смятением.

Седьмое число четвертого месяца. Отец за ужином упомянул, что хочет обручить меня с дочерью графа Вэйюань. Тоска душит. Но Линь Муе на весенней охоте победил в стрельбе из лука и получил в награду императорский золотой лук. На глазах у всех он подъехал к трибуне, снял шкуру белой лисы, добытую им, и бросил мне в руки, вызвав завистливые вздохи знатных дам. мех был белоснежным и все еще хранил тепло его тела. Сердце... немного сбилось с

ритма.

Почерк становился зрелым, уверенным, а при упоминании имени Линь Мые в строках проскальзывала нежность.

Двадцать первое число пятого месяца. Слухи во дворце множатся: говорят, нрав четвертого принца становится все мрачнее, он жестоко казнит слуг. Матушка строго запретила мне даже упоминать Холодный дворец, боясь великой беды. С ним мы давно не общались. Сегодня случайно увидел, как он проходил по дворцовой аллее в свите принцев — он сильно вырос, спина прямая, но вид одинокий, взгляд холодный, как бездна, на людей смотрит как на пыль. Былые подарки, фонарик под сливой — словно сон из другой жизни, не осталось и следа. Хватит, мы больше не на одном пути.

В строках сквозила глубокая усталость, отчужденность и невыразимый страх.

Последний листок, чернила густые, почерк размашистый, почти безумный:

Пятнадцатое число седьмого месяца, праздник духов. Та лошадь испугалась не случайно! Это Сяо Чэ! Тот Четвертый из Холодного дворца! Он стал демоном! Мые попал в засаду на обратном пути с севера, он при смерти! Слышал, новый император взошел на трон, его методы жестоки, он хочет истребить старых чиновников, наш клан Се в опасности! Жалею! Жалею о той глупой доброте под сливой, которая навлекла на меня этого мстительного демона! Он приказал доставить меня во дворец, чего он хочет? Унизить? Отомстить за прозвище маленький монстр? Или... взять меня в заложники, чтобы заставить клан Се склониться? Этот путь во дворец — как в логово дракона, боюсь, возврата нет. Если случится худшее, тот, кто прочтет это, должен знать: Сяо Чэ — человек со змеиным сердцем, скупой и жестокий! Не забыть! Не забыть!

Последнее Не забыть было написано с такой силой, что чернильные капли брызнули в стороны, словно кровь.

Шэнь Янь наконец осознал, что все это было написано самим прежним владельцем тела, как дневник. Даже то, что Се Цинъянь упал с лошади, было делом рук Сяо Чэ.

Шэнь Янь не мог понять, почему эти записи, которые должны были храниться в особняке Се, оказались здесь, закопанными в землю.

Письма выскользнули из дрожащих рук Се Цинъяня, словно мертвые листья, беззвучно рассыпавшись по холодной траве.

Холодный ветер пронесся сквозь отверстия в скалах, издавая жалобный, похожий на плач призрака свист.

Он весь оцепенел, кровь в жилах, казалось, застыла, ледяной холод от ступней поднялся к

самому темени, поглощая его целиком, словно он провалился в бездонную ледяную пучину.

Правда, словно отравленный, острый кинжал, вскрыла прошлое, обнажив кровавое нутро.

Прежний Се Цинъянь, этот изнеженный юный аристократ, был единственным проблеском света в мрачном, безнадежном детстве Сяо Чэ! Те лепешки, мазь, фонарик — для знатного господина это были мелочи, но для зверя, запертого в ледяном аду дворца, это стало единственным теплом, впитавшимся в кости и ставшее одержимостью, которая помогла ему выбраться из преисподней.

А прозвище маленький монстр, возможно, брошенное невзначай, стало для императора самым глубоким, самым болезненным клеймом позора!

Поэтому, взойдя на трон, Сяо Чэ, не считаясь с мнением двора, репутацией клана Се и чувствами Линь Муе, потребовал его к себе.

Что это? Болезненная одержимость? Извращенная месть? Или душа, поглощенная тьмой, пытается удержать тот единственный свет, что давно погас в безжалостном времени?

А прежний владелец, узнав, что Сяо Чэ и есть тот мрачный Четвертый, превратил всю свою жалость в страх и ненависть.

В его глазах Сяо Чэ был демоном, воздающим злом за добро.

Огромное чувство абсурда и тяжелая печаль нахлынули на Се Цинъяня, как ледяная волна, перехватывая дыхание.

Он — не тот человек! У него нет этой вьющейся в кости ненависти! Он лишь душа из другого мира, случайно попавшая сюда, сторонний наблюдатель, не способный даже подать голос! Но он вынужден нести бремя этого израненного тела, втянутого в пучину, созданную одержимостью, недопониманием и долгими годами боли.

Он глубоко, дрожа, вдохнул холодный воздух, пахнувший тленом, и медленно нагнулся, словно поднимая невыносимую тяжесть, осторожно собирая разбросанные по траве письма. Коснувшись на последнем листке имени Сяо Чэ, он словно почувствовал сквозь время ту жгучую ненависть и отчаяние, с которыми были выведены эти строки.

— Что ты там читаешь? — голос, холодный, как скользнувшая по спине змея, раздался из-за спины, нарушив тишину сада.

Се Цинъянь вздрогнул, волосы на затылке встали дыбом! Он резко обернулся, сердце едва не выскочило из груди! Сяо Чэ стоял в нескольких шагах от него, на его черном плаще с золотыми драконами таяли снежинки. Его взгляд, тяжелый и острый, как ледяные иглы, был прикован к

пожелтевшим листкам в руках Се Цинъяня. В мгновение ока глаза императора стали холоднее зимнего ветра, наполняясь яростью и жаждой убийства человека, чью самую постыдную тайну только что раскрыли.

<http://bllate.org/book/20749/2080017>